

Василий Водовозов

**О воспитательном значении
русской литературы**

Василий Водовозов

**О воспитательном значении
русской литературы**

«Public Domain»

1870

Водовозов В. И.

О воспитательном значении русской литературы /
В. И. Водовозов — «Public Domain», 1870

«Задачею нашей критики было до сих пор проверить и разъяснить тот нравственный и отчасти общественный идеал, который более или менее туманно, более или менее определенно высказывался в произведениях нашей литературы. Под литературой мы, конечно, здесь должны разуместь такие произведения, которые и по своему содержанию и по форме были наиболее доступны большинству и, следовательно, имели какое-нибудь влияние на общество...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Водовозов

О воспитательном значении русской литературы

I

Задачей нашей критики было до сих пор проверить и разъяснить тот нравственный и отчасти общественный идеал, который более или менее туманно, более или менее определенно высказывался в произведениях нашей литературы. Под литературой мы, конечно, здесь должны разуметь такие произведения, которые и по своему содержанию и по форме были наиболее доступны большинству и, следовательно, имели какое-нибудь влияние на общество. Мы не имеем цели рассматривать путей, какими шла наша критика; но в лучших своих представителях она все-таки выработала довольно определенные воззрения, и если к большинству литературных фактов относилась отрицательно, то надо сказать правду, что и факты большей частью принадлежали к созданиям больной, расслабленной или детски неразвитой мысли. Далее, ставя себе задачей руководить вкусом и мнениями общества, проводить в нем известные идеи, которые с большим развитием все сильнее проникали в жизнь, наша критика, естественно, занималась преимущественно вопросами дня и обращалась к прошедшему, только чтоб доказать его несостоятельность, его полный разлад с современными требованиями жизни. Казалось бы, что излишнее усердие в доказывании подобного рода вещей было странным и неуместным. Самое простое наблюдение действительности убедит каждого, что история не стоит неподвижно, а постоянно создается вновь, что еще очень пригодное вчера становится бесполезным и даже вредным сегодня, вредным по крайней мере в той форме, в какой оно являлось. Но в мире человеческих понятий лишь с большим трудом признается этот общий закон развития. Люди склонны считать вечными созданные ими идеи, холят их в отвлеченной пустоте, не обращая внимания на то, чем эта пустота наполняется в жизни, и таким образом мешают ложь с истиной. Круг известных понятий, случайно возникших из впечатлений той или другой среды, постепенно оковывает человека, образует для него своего рода умственный комфорт, от которого отказаться труднее, чем от обыкновенных житейских привычек: от послеобеденного отдыха и сигары, от привычной партийки в ералаш и т. п. Где слаба самостоятельность мысли, там большинство людей и не трудится вновь передумывать или преобразовывать то, что уже уложилось в голове в известном порядке. Такой труд часто не под силу и потому, что приходится иметь дело со своим мелким самолюбием. Если же в кругу известных узких понятий живется очень удобно и даже небезвыгодно, то и люди, способные к самостоятельному мышлению, всеми силами ухищряются, как бы помирить потребность нового с отживающей любовью к старине, и тут мы созерцаем очень любопытное представление умственных фокусов, где из смешения всех цветов и красок возникает что-то бесцветно-серое, где ловкая диалектика направлена не к тому, чтобы доказывать истину, а чтобы как можно убедительнее представить всю искренность ее непонимания.

Мы видим, что старые понятия не меняются так легко, как старое изношенное платье, и хотя бы они совершенно распались по естественному движению времени, их исторические клочки еще долго виднеются и на новой одежде. Следовательно, и в борьбе со старыми понятиями, где противник выставляет вам правило: «Это хорошо, потому что было хорошо 20, 50, 100, 200 лет тому назад», возможен один ответ: «Это нехорошо, то есть, по требованию новых, лучших понятий, именно потому, что было хорошим в свое время»; но обыкновенно прибегают к другой мысли, которая кажется более понятной и логичной по форме: «Это было

нехорошо и в свое время». Разница между тем и другим утверждением может быть более или менее значительна, смотря по тому как мы будем делать дальнейшие выводы. Новое признается лучшим, конечно, не по своей новизне, а по своему значению в развитии общественной и народной мысли. Та же добрая идея совершенно изменяет свой характер и форму, служит ли она только интересам отдельных личностей, или удовлетворяет стремлениям известного сословия, партии, или выражает собою интересы общества в самом широком смысле этого слова. Следовательно, тут важна не идея сама по себе, а то или другое ее применение к жизни. Никто не скажет, чтоб понятие о чести было дурно, но из-за этого понятия люди в старину постоянно дрались между собою, нарушая права других в сознании какого-нибудь сословного преимущества или просто физической силы. Таким образом, всегда легко доказать вред, происходящий от узкого применения той или другой идеи: казня форму, в какой она являлась, мы можем иметь в виду только то, что эта форма и донныне господствует в известном кругу общества. Но с другой стороны, нельзя опустить без внимания и тех ступеней развития, по которым шло общество в своих стремлениях к лучшему. Веря в законность новых требований жизни, мы могли бы найти им твердую опору в старине, но не так, как приверженцы этой старины – в лишенном всякой производительности, хотя еще существующем факте. Проходя ступень за ступенью, человек, конечно, становился лучше, по мере того как больший кругозор пред ним открывался. На каждой ступени он усваивал часть истины или, лучше сказать, ту же простую истину в такой форме, которая была для него всего удобнее в данный момент развития, – в форме тем более ограниченной, чем ограниченнее это развитие. Всякий ребенок, всякий дикарь знает простое правило общежития, что вдвоем можно сделать больше, чем в одиночку; но между понятием об этом дикаря или ребенка и вполне развитого человека бесконечная разница. Выходя из своего детского состояния, человек приискивает новую, лучшую и более определенную форму для той же истины; он, например, скажет: члены семьи должны работать сообща, помогать друг другу в работе. Эта форма лучше, чем та, где человек в своем труде рассчитывает на одну случайность: в ней установлен известный союз между людьми, видно естественное побуждение к этому союзу, следовательно, находим и живительное начало труда. Форма эта живет и действует, пока не найдется другая, лучшая. В более развитом обществе интересы семьи уже бывают нераздельно связаны с интересами сословия, кружка, партии и т. д. Если бы кто-нибудь теперь, основываясь на одном семейном начале, стал доказывать, что сын обязан то же самое думать и делать, что делает его отец, то впал бы в нелепость: форма уже мертва, и вводить ее в жизнь – значит убивать самое дело. Точно так же тесная связь между членами сословия, цеха, касты в их общих интересах могла в свое время быть производительным началом, но, когда люди стали устраивать союзы на более свободных и разумных отношениях, независимо от случайностей рождения и состояния, и это начало потеряло свое прежнее значение. Но всякая новая форма в стремлении человека к истине именно потому и рождалась, что он чувствовал неудовлетворительность прежней: пока его желания были еще очень ограничены, он довольствовался теми удобствами, какие представлял прежний порядок вещей; с развитием жизни, с более последовательным применением той или другой выработанной им идеи к делу, он находил все более, что рамки, в которых приходилось ему действовать, слишком тесны и приносят более вреда, чем пользы. Если же мы таким образом доказываем необходимость новой формы, то надо признать, что и прежде в человеке было стремление к лучшему, только путь, которым шел он, был более узок и сбивчив.

Мы просим у читателя извинения, что сделали эти вступительные объяснения, имея целью высказать свой взгляд на дело. В вопросе, нами избранном: «О воспитательном значении литературы», мы, конечно, и не могли держаться какого-либо другого способа изложения, кроме исторического. Этот способ (без сомнения, упрощенный насколько возможно) один мог бы принести плодотворные результаты и в школьном преподавании. Крайняя путаница в наших эстетических воззрениях, рабское поклонение однажды признанным авторитетам,

смешное увлечение внешнею формою, за которою мы не видели содержания, – все это происходило от того, что мы в школе знакомились с литературою по жалким обрывкам из хрестоматий, и притом так, как будто бы ода Державина «На смерть князя Мещерского», рассуждение Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости» и какие-нибудь случайные стихи Пушкина были писаны для всех веков и народов. Однако школа не могла укрыть от нас запретного плода, который потому и нравился, что был запретный, и мы, зевая на лекции, тайком держали под руководством Зеленецкого новый романчик, новую курьезную статейку и читали, читали все без разбора и без всякой руководящей мысли. Еще, вероятно, живы старички, которые помнят, как юноша, пойманный с новой поэмою Пушкина, подвергался жесточайшей каре; не более 15 лет тому назад такая же опасность грозила от чтения Гоголя. Думаем, что во многих женских заведениях и теперь еще господствует эта стыдливость к произведениям более зрелой мысли. Однако век изменился: читать Пушкина и безусловно им восхищаться считается даже похвальным, читать Гоголя по меньшей мере дозвоительно; но с Белинским мы все еще не совсем можем поладить, так как сколько-нибудь толковое понимание литературных образцов, по нашим понятиям, уже ведет к вредному для юношей анализу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.